

УДК 94 (575.2)

**К ПРОБЛЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В КИРГИЗСКОЙ ССР (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕСЕЛЕННЫХ ПОЛЯКОВ)**

Е.В. Носова

Анализируются государственно-конфессиональные отношения в Киргизской ССР на примере переселенных поляков.

Ключевые слова: государство; конфессии; религия; переселение; осадники; спецпоселение; ксендзы.

**TO THE PROBLEMS OF STATE-CONFESSIONAL RELATIONS
IN THE KIRGHIZ SSR (ON THE EXAMPLE OF THE RESETTLED POLES)**

E. V. Nosova

It is analyzed church-state relations in the Kirghiz SSR on the example of the resettled Poles.

Key words: state; confession; religion; resettlement; osadnik; special settlement; priests.

Историческая проблема депортированных и переселенных народов и их взаимоотношений с государственной властью – одна из важнейших для понимания отечественной истории. К депортациям, а затем и насильственному переселению народов, советское правительство приступило сразу же после установления советской власти, перед Великой Отечественной, но особого размаха это движение достигло уже в годы войны.

Проводимые депортации объяснялись различными причинами: “неблагонадежностью”, превентивностью мер, конфессиональным фактором, выступлением против преобразовательных мер, участием в бандформированиях, принадлежностью к институтам отжившего строя и т. д.

Наивысший пик депортаций пришелся на начало Второй мировой войны. Слухи о грядущих депортациях поляков ходили еще с ноября 1939 г. Еще 29 декабря 1939 г. Совет народных комиссаров утвердил “Положение о спецпоселении и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР”. Основными контингентами на депортацию стали: пленные офицеры и солдаты; все жители пограничной полосы, от Вильно до Львова, а также лесники, железнодорожники; все, не успевшие скрыться, “социально далекие” – воеводы, чиновники, полицейские, помещики, промышленники, торговцы. “Осадники”, по официальной советской версии, –

это “злейшие враги трудового народа”: бывшие военнослужащие польской армии, отличившиеся в польско-советской войне 1920 г. и получившие за это в 1920–1930-е гг. земельные наделы в восточных районах, населенных преимущественно белорусами и украинцами (85 % “осадников” составляли поляки) [1].

Их судили “тройки” и приговаривали к срокам от 8 до 20 лет по 54-й или 58-й ст. Уголовного кодекса. 10 апреля 1940 г. было принято Постановление СНК и выпущена Инструкция о порядке проведения выселения, которые вскоре были начаты и продолжены в 1941 г. Всего было четыре последовательных операции, каждая осуществлялась за одни сутки: три в 1940 г. и одна в 1941 г. Среди этого контингента совместно с беженцами насчитывалось 177 043 человека, из них 107 332 осадника.

Заодно с осадниками на спецпоселение направлялись члены семей лиц, находившихся на нелегальном положении, и осужденных участников контрреволюционных организаций украинских, белорусских и польских националистов. Численность депортированных постоянно возрастала, и на сентябрь 1941 г. арестованных и высланных из названных районов уже насчитывалось 389 382 человека, из них в тюрьмах, лагерях и местах ссылки находилось 120 962, в спецпоселениях (осадники и другие) – 243 106, в лагерях военнопленных – 23 543 человека.

Некоторых поляков по желанию и с согласия (а иногда и по требованию) немцев передавали им. Соответствующее совместное Постановление СНК и ЦК ВКП(б) было издано 14 мая 1941 г. Одновременно оно предусматривало арест и 20-летнюю ссылку на поселение в отдаленные районы СССР членов семей “участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций”. Депортации с территории аннексированных польских земель продолжались вплоть до нападения Гитлера на СССР.

Депортированные поляки, переселяемые, в том числе и в Киргизскую ССР, были сосредоточены на юге республики [2], где по прибытии на место были взяты на специальный учет, и за их жизнью и деятельностью наблюдали спецслужбы, отчеты которых становились основой для постановлений, справок и иных документов.

Архивные материалы этого периода могли бы нам рассказать об этом времени очень много интересного, однако они достаточно скупы и отрывочны и в большинстве своем до сих пор засекречены. Но и то, что нам доступно, хоть немного позволяет иметь представление о том, что происходило. Архивные материалы представлены телефонограммами, справками, докладными записками, сообщениями, актами, положениями и т. д.

Государственно-конфессиональные отношения с переселенными строилась по тому же сценарию, что и с гражданами собственного государства.

Спецпоселенцы оказались в сложных условиях “без медицинского обслуживания, без нормальных бытовых условий. Семьи размещались в общих бараках, имели большую скученность, плохо обеспечивались питанием...” [3].

В телефонограмме секретаря Базар-Курганского райисполкома в Джалал-Абадский облисполком от 29 декабря 1941 г. говорится о том, что в район прибыло 1007 эвакуированных польских граждан: из них детей 175, нетрудоспособных 100, трудоспособных 732 чел. Трудоустроено на предприятия 8 человек, в колхозы 250 человек [4, л. 56]. Кроме того рассматривались вопросы организации питания и лечения.

Отношение к полякам очень ярко представлено в Справке заместителя Народного Комиссара иностранных дел А. Вышинского: “...за последнее время сведения из ряда республик и областей, где расселены польские граждане... говорят о том, что ... местные советские органы не реагируют должным образом на ... нарушения и своевременно не ставят о них в известность НКВД” [5, л. 59–60, об.].

“При содействии представительств посольства польские ксендзы устраивают богослужения и развертывают активную религиозную пропаган-

ду не только среди поляков, но и среди советских граждан других национальностей.

Не допускать незаконной деятельности ксендзов. Для этого госструктуры должны использовать все формальные основания, такие как: получение вопреки существующим правилам, предварительного разрешения; отсутствие надлежащей, установленной законом, регистрации религиозного общества или группы верующих; несообщение местному исполкому списка членов религиозного объединения; невыделение органов управления и своих представителей; незаконное заключение договора о найме нежилого помещения для выполнения обрядов культа и молитвенных собраний; неуплату страховой премии, местного налога со строений и ренты за землю под молитвенным зданием и т. д.

Во всех случаях, если будут иметь место иные факты незаконной их деятельности, немедленно принимать меры к их пресечению” [5, л. 59–60, об.].

Среди представленных материалов большую часть составляют документы, рассказывающие о детях спецпоселенцев, среди которых “Докладная записка заместителя председателя Фрунзенского облисполкома в СНК Киргизской ССР о проделанной работе по принятию в ведение соответствующих местных органов польских благотворительных учреждений с подробным описанием их состояния на текущий момент” от 26 марта 1943 г. и “Докладная записка заместителю наркома просвещения председателю СНК Киргизской ССР т. Кулатову о состоянии принятых в ведение Наркомпроса польских детских учреждений с просьбой разрешить вопросы их финансирования и организации учебно-воспитательной работы” от 7 апреля 1943 г. В принятых учреждениях имелись школьные группы, где занятия велись на польском языке по программам польской школы и преподавались религиозные предметы... [6, л. 20–21, 26–28].

До 8 апреля 1943 г. воспитательная работа в школьных группах у детей польских спецпоселенцев полностью отсутствовала, и никаких договоренностей с Наркомпросом по данному вопросу не было. В докладной записке заместителя председателя Фрунзенского облисполкома председателю СНК Киргизской ССР т. Кулатову от 8 апреля 1943 г. описываются крайне неудовлетворительные жилищно-бытовые условия и предлагают принятым в ведение местным органам польским благотворительным учреждениям слить бывшие польские детские учреждения с детдомами области и весь контингент польских благотворительных учреждений для взрослых объединить в один дом инвалидов [6, л. 32].

А уже 23 апреля 1943 г. областным отделом народного образования на учет были приняты: Панфиловский польский детский дом, польский

детский дом в г. Токмаке, польский детский сад в г. Токмаке, польская школа в Сталинском районе, в которых занятия велись на польском языке по программе польской школы с преподаванием религиозных предметов [6, л. 40–41, об.].

Особый интерес представляет Акт о состоянии детей, прибывших в Благовещенский детдом из бывшего польского детдома (Ленинский район) от 5 мая 1943 г. Это потрясающий документ о силе веры: "...1) Все дети в количестве 11 человек (6 девочек и 5 мальчиков) были страшно грязные. У 3-х девочек длинный волос на голове и весь в гнидах и во вшах. Тела их были прикрыты рваными тряпками, так что трудно было отличить платье от юбки, блузки и т. д. Дети все были в чесотке, ногти длинные, набитые грязью. Волос взъерошенный, так что большинство из них были похожи на дикобразов. В грязных мешках, находящихся при них, были обнаружены молитвенники (книжки) и др. религиозные атрибуты. Все они худые, истощенные и проголодавшиеся" [6, л. 50].

Но уже к 10 мая 1943 г. положение изменилось, и в большинстве детских домов молитва вытесняется из жизни детей, что отражено в докладной записке наркома просвещения Киргизской ССР в СНК Киргизской ССР с подробным описанием состояния каждого в отдельности польского детского учреждения при приеме его в советскую систему и оказанной им помощи со стороны органов народного образования республики. "После приема дети приведены в соответствующий порядок и чувствуют себя хорошо, стали чистыми, повеселели, интересуются воспитательной работой. Дети школьного возраста обучаются совместно с русскими воспитанниками в русской школе. Они все разговаривают по-русски. Начали принимать участие в стенгазете, в различных кружках" [6, л. 45–46, об.].

30 июня 1943 г. было принято Положение о комитете по делам польских детей в СССР, утвержденное постановлением СНК Союза ССР № 710 [7, л. 60–61, об.].

В январе 1943 г. бывшие польские граждане были паспортизированы, большинство из них (более 165 тыс. чел.) получили советское гражданство, а около 26 тыс. – сохранили польское. По соглашению между правительствами СССР и Польши от 30 июля 1943 г. амнистия была распространена на всех бывших польских граждан на территории СССР [1].

Таким образом, даже по этим отрывочным сведениям мы можем нарисовать хотя бы приблизительную картину государственно-конфессиональных отношений в отношении депортированных, а затем переселенных поляков. Государство подавляло и уничтожало любые оппозиционные, в том числе религиозные взгляды, которых придерживались различные этносы, проживавшие в Советской Киргизии.

Литература

1. Принудительные миграции в годы Второй мировой войны и после ее окончания (1939–1953). URL: http://demoscope.ru/weekly/zniki/polian/polian_3.pdf
2. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: "Согласно Вашему указанию..." / Н.Ф. Бугай. URL: http://vk.com/doc1410483_160740644?hash=4577a0477ff484cb6b&dl=
3. Бугай Н. Депортация народов / Н. Бугай // Война и общество: 1941–1945. Кн. вторая. URL: http://scepsis.net/library/id_1237.html.
4. Джалал-Абадский ОГА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 151.
5. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 15. Д. 28.
6. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17. Д. 139.
7. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 560.